

Людмила Крагель

Передайте им

*Иногда
между мирами
всего одна дверь...*

*Есть слова,
которые не умирают*

Передайте им

Людмила Крагель

Есть
слова,
которые
не умирают

Людмила Крагель

"Передайте им"

«Автор»

2026

Крагель Л.

"Передайте им" / Л. Крагель — «Автор», 2026

После ремонта старой хозяйственной постройки во дворе Тамары и Геннадия начинают происходить странные вещи. Из-под земли тянет ледяным холодом, хотя вокруг стоит жара. Кошка Сонька часами смотрит в пустоту, будто видит кого-то невидимого. А по ночам в заброшенном сарае слышатся шаги и приглушённые голоса. Вскоре супруги понимают: они случайно открыли то, что долгие годы было скрыто от живых, — дверь между двумя мирами. Но зачем мёртвые пытаются выйти на связь? Кого они зовут? И почему среди их голосов всё чаще звучит имя Тамары? Есть двери, которые лучше никогда не открывать...

© Крагель Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Сарайка	5
Глава 2	7
Запах арбуза	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Людмила Крагель

"Передайте им"

Глава 1

Сарайка

Бригаду мы наняли на всё лето: гараж, летняя кухня, баня — работа шла споро, весело, под шашлык по пятницам. Строители — трое мужиков в возрасте, немногословные, из тех, что за словом в карман не лезут, но и суеверием не страдают — управились с этими тремя постройками за три недели. А потом дошла очередь до той, последней, которую мы между собой называли просто «сарайка» — покосившейся, вросшей одним углом в землю, с крышей, которая держалась, кажется, исключительно на честном слове старого шифера.

Планы были скромные: перебрать полы, укрепить стропила, сделать нормальную дверь — чтобы было куда складывать банки для закруток, лопаты, старые доски, которые вечно жалко выбросить. Ничего особенного.

Сонька к тому времени уже неделю обходила сарайку по широкой дуге. Её мы завели три года назад — рыжую, наглую, убеждённую, что дом принадлежит ей, а мы в нём на правах прислуги. За три года она ни разу не испугалась пылесоса, не шарахалась от грозы и один раз невозмутимо проспала фейерверк на соседском участке. Поэтому когда в это утро она вдруг встала посреди двора, выгнула спину дугой и зашипела на пустое место у забора заброшенной постройки — муж со смехом сказал, что кошка, видимо, решила заняться экзорцизмом от нечего делать.

Мы не придали этому значения. Мало ли что кошке в голову взбредёт.

А потом бригадир, Пётр Иванович, человек основательный, лет пятидесяти пяти, однажды задержался у нас после работы на пять минут дольше обычного — не чтобы поговорить о деньгах, а чтобы, отводя глаза, спросить, не замечали ли мы раньше в этом сарае чего-то... странного.

Пётр Иванович мялся у калитки, вертя в руках бейсболку — деталь для него нехарактерная: обычно он прощался коротко, по-военному, и уходил к своей машине не оглядываясь.

— Странного — это как? — переспросила я, и муж рядом со мной сделал вид, что очень занят складыванием шланга, хотя на самом деле просто не хотел встречать первым.

— Да не знаю, как сказать-то... — Пётр Иванович наконец надел кепку, будто это придавало ему решимости. — Мы сегодня полы вскрывали. Под старыми досками — ну, там земля, обычное дело. И вот Гоша, — он кивнул в сторону молодого, самого разговорчивого из бригады, — говорит: чувствую, будто дует. А дуть там неоткуда, ни окон, ни щелей в ту сторону — стена глухая. Я сам подошёл, встал — точно, тянет холодом, снизу как будто. А земля тёплая, я потрогал. Земля тёплая, а воздух над ней холодный.

Он замолчал, ожидая, видимо, что мы засмеёмся первыми и разрядим обстановку. Мы не засмеялись.

— И ещё, — добавил он уже тише, — Гоша фотографировал, для отчёта, как мы доски с пола снимаем, и на телефоне у него на одном кадре — тень какая-то, у дальней стены. Хотя там никого не было, мы втроём в тот момент у двери стояли.

Вот тут я и вспомнила про Соньку.

Не сразу, а через секунду-две узнавания, как вспоминаешь чьё-то лицо в толпе — сначала просто царапнуло, а потом сложилось: неделю назад, ровно неделю, она в первый раз отказалась заходить во двор через ту тропинку, что шла мимо сарайки, хотя ходила по ней с самого начала лета. Стала обходить через грядки, хотя там крапива, а Сонька крапиву ненавидит больше, чем купание.

— Гена, — сказала я, — а помнишь, Сонька...

Он уже кивал. Он тоже помнил. Просто, как и я, до этой секунды не позволял себе связать кошачью блажь со словом «странно», произнесённым вслух взрослым, трезвым, не склонным к фантазиям мужчиной.

Пётр Иванович смотрел на нас с новым интересом.

— А кошка что, тоже туда не ходит?

— Тоже, — сказала я, и мне не понравилось, как ровно это прозвучало — будто я давно это знала и просто ждала, кому первому сказать.

Глава 2

Запах арбуза

Бригада уехала засветло — Пётр Иванович в тот день закруглил работу раньше обычного, без объяснений, просто сказал «на сегодня хватит» тоном, не терпящим возражений. Мы с Геннадием остались во дворе одни, и тишина вдруг показалась мне гуще обычной — как будто вечер специально придвинулся ближе, чтобы послушать, что мы решим делать.

— Ну что, — сказал Геннадий с той нарочитой бодростью, за которой у него всегда прячется неуверенность, — посмотрим, что там за сквозняк из тёплой земли?

Дверь сарайки — если это громкое слово вообще применимо к перекошенному куску фанеры на одной петле — стояла приоткрытой, так её и оставили рабочие. Геннадий толкнул её носком ботинка, не рукой, и я отметила это про себя, хотя вслух ничего не сказала.

Внутри пахло сыростью, старым деревом и почему-то — совсем неуместно — арбузом. Сладковатым, чуть подгнившим арбузом, хотя откуда бы ему здесь взяться, никто из нас последние годы сюда с фруктами не заходил.

Пол был вскрыт в дальнем углу — доски аккуратно сложены штабелем, земля под ними тёмная, взрыхлённая. Геннадий подошёл первым, присел на корточки и положил ладонь на землю.

— Тёплая, — сказал он. — Как и говорил Пётр Иванович.

Я подошла ближе. И тут почувствовала это сама: словно кто-то приоткрыл дверцу холодильника у самого пола, а выше, на уровне лица, воздух оставался обычным, летним, душным. Граница проходила примерно на высоте колена — ниже холод, выше тепло, и между ними — ощутимая, почти осязаемая плёнка, как будто воздух здесь был устроен слоями.

— Гена, — сказала я, и голос мой прозвучал тоньше, чем мне бы хотелось, — ты это чувствуешь?

Он не ответил сразу. Он смотрел в угол, туда, где на фотографии Гоши была тень. Там ничего не было — обычная бревенчатая стена, пятна старой извести. Но Геннадий смотрел так, будто видел что-то, чего не видела я, и это молчание длилось на пару секунд дольше, чем мне было спокойно.

— Тамара, — сказал он наконец, очень тихо, — а тебе не кажется, что там... дует по-другому? Не как сквозняк. Как будто кто-то дышит.

Три дня прошли спокойно — настолько спокойно, что я начала уговаривать себя, будто холод под досками был просто сквозняком из щели в фундаменте, а тень на фотографии — бликом от вспышки. Геннадий, кажется, тоже склонялся к этой версии, хотя по вечерам я замечала, что он стал чаще выходить во двор перед сном — якобы покурить, хотя бросил три года назад. Запах арбуза вернулся в четверг. Я развешивала бельё, и вдруг — среди обычных дворовых запахов, скошенной травы, разогретого на солнце шифера — этот сладковатый, приторный дух, который я почувствовала ещё в сарайке. Только теперь он был не внутри постройки, а здесь, на открытом воздухе, у самой верёвки с бельём, метрах в пятнадцати от сарая. Отчётливый, узнаваемый, как будто кто-то только что разрезал спелый арбуз прямо у меня за спиной. Я обернулась. Никого. Ни разрезанного арбуза, ни соседей с корзинками, ничего. Запах держался секунд десять, может, пятнадцать — а потом исчез так же резко, как появился, будто кто-то захлопнул невидимую дверь. Вечером за ужином я рассказала об этом Геннадию — осторожно, стараясь, чтобы это прозвучало между делом, а не как повод для тревоги. — Арбуз, — повторил он медленно, отложив вилку. — Знаешь, а у меня мать арбузы солила. Каждое лето, целую бочку. Дом до сентября этим пах. Он сказал это ровным голосом, но я видела, как у него на секунду остановился взгляд — тот самый взгляд, который бывает у людей, когда они вдруг понимают что-то, чего пока не готовы произнести вслух. Мать Геннадия умерла четыре года назад. Мы редко о ней говорили — не потому что была какая-то обида, а просто время как-то само собой развело эту тему в сторону, как разводит русло реки вокруг камня. — Гена, — сказала я тихо, — а сарайка... это ведь раньше был её сарай. Он кивнул, не сразу, медленно, будто сам только что об этом подумал. — Её. Она там банки держала. Соления. И... — он замолчал, — арбузы иногда там созревали, на соломе. В сентябре. Мы оба замолчали, и в этой тишине было слышно, как во дворе, где-то у сарайки, зашуршала листва — хотя ветра в тот вечер не было совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.